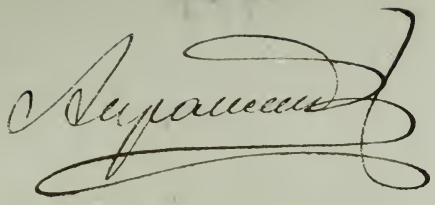
DK
214
.K78

Class _____

Book _____

~~YUDIN COLLECTION~~

6351
2



КРЫМСКАЯ

ЭКСПЕДИЦІЯ.

РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА,

ФРАНЦУЗСКАГО ГЕНЕРАЛА.

Переводъ съ Французскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1855.

КРЫМСКАЯ

Krymskaia ekspeditsiia.

ЭКСПЕДИЦІЯ.

РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА,

ФРАНЦУЗСКАГО ГЕНЕРАЛА.

Переводъ съ Французскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ВОЕННОЙ ТИПОГРАФІИ.

1855.

DK214
.K78

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ. Апрѣля 29-го дня 1855 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

104837
19

108

Представляя отечественной публикѣ разсказъ очевидца о бѣдствіяхъ союзныхъ армій на берегахъ Крыма, мы имѣемъ цѣлью указать на мнѣнія, быстро распространившіяся въ рядахъ враговъ нашихъ, о неудачно задуманномъ планѣ и гибельныхъ послѣдствіяхъ Крымской экспедиціи. Между тѣмъ какъ хвастливые иноземные журналы въ столбцахъ своихъ однимъ почеркомъ пера истребляли Русскую Армію, сокрушали Севастополь, дѣлили Русь по своему на картахъ, издаваемыхъ нарочно по этому случаю—на самомъ дѣлѣ происходило иное: событія говорятъ краснорѣчивѣе статей журнальныхъ. Представляемый разсказъ своею правдивостью, вѣрнымъ изложеніемъ фактовъ, совершившихся въ непрія-

тельскихъ арміяхъ, предъ глазами автора, а не почерпнутыхъ въ хвастливыхъ реляціяхъ, сочиняемыхъ въ Парижѣ,—не могъ не обратить на себя вниманіе всей Европы, не могъ не навлечь на его автора гоненія со стороны Французскаго Правительства. Еще въ самое недавнее время въ Брюсселѣ дѣлались тщательнѣйшія розысканія и изслѣдованія, для открытія сочинителя и редактора этого разсказа. — Съ нашей стороны мы не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ людей безпристрастныхъ, высказаннымъ по этому случаю въ нѣкоторыхъ газетахъ: если все, что говорится въ этой брошюрѣ о Крымской экспедиціи выдумка, клевета—стоитъ противникамъ нашимъ указать на такія событія, которыя опровергли бы доводы автора, возбудившаго на себя такое негодованіе — и тогда вся ложь, всѣ выдумки разрушатся сами собою. Но сдѣлать такое указаніе, вѣроятно, труднѣе— нежели попытка отыскать автора, такъ правдиво высказавшаго свѣту неудачи и гибельное положеніе враговъ нашихъ, вторгнувшихся запальчиво на берега Крыма. Не мы открываемъ

свѣту, какъ неисходно поставлена армія союзниковъ предъ стѣнами Севастополя, а сами наши враги: и потому именно мы не можемъ не подѣлиться удовольствіемъ съ нашими соотечественниками, представляя имъ въ Русскомъ переводѣ этотъ такъ правдиво и бойко написанный разсказъ.

I.

Въ предлагаемомъ очеркѣ современныхъ событій, мы не намѣрены разсматривать начальныя причины, возбудившія борьбу между Россіею съ одной, Франціею и Англіею съ другой стороны. Укажемъ только на важнѣйшія событія, которыя совершились предъ начатіемъ войны и входятъ въ планъ нашего разсказа.

Въ началѣ дѣло шло о столкновеніи вліяній Греческаго и Латинскаго вѣроисповѣданій въ Іерусалимѣ. — Французское правительство, чрезъ посланника своего въ Константинополѣ Делакура, получило отъ Султана фирманъ, по которому Латинской Церкви предоставлялись нѣкоторыя преимущества. Этимъ политическимъ средствомъ юная

Имперія пріобрѣтала права уваженія въ мірѣ католицизма, и благосклонно располагала къ себѣ Папу, въ которомъ Императору Французовъ могла настоять надобность для коронаціи. Сверхъ того этимъ же средствомъ Франція пріобрѣтала вліяніе на Востокѣ.

Фирманъ, выданный Портою Делакуру, вызвалъ требованія С.-Петербургскаго кабинета, клонившіяся къ тому, чтобы Диванъ уравнялъ права Греческой и Латинской Церквей. Въ этой мѣрѣ требованія Россіи были удовлетворены.

Во все продолженіе трехъ или четырехлѣтнихъ смутъ, волновавшихъ Европу, въ Бозѣ почивающій Императоръ Николай Павловичъ, съ величайшимъ благоразуміемъ оставался зрителемъ совершавшихся событій. Спокойно наблюдалъ Онъ за переворотами, измѣнившими повсюду прежній порядокъ вещей, избѣгая столкновеній, которыя неминуемо случились бы, еслибъ въ началѣ Онъ не воздержался отъ всякаго посредничества. Такимъ образомъ, не принявъ до извѣстной эпохи никакого участія, Императоръ Николай I-й отклонилъ всеобщую

войну, угрожавшую Европѣ. Такая умѣренность оказала дѣйствительно болѣе пользы тѣмъ началамъ, на которыя тогда возсталъ духъ переворотовъ, нежели дѣятельное участіе въ борьбѣ. Это участіе Императора проявилось въ то лишь мгновеніе, когда духъ возмущеній начиналъ уже ослабѣвать; тогда-то Онъ положилъ въ Венгріи преграду всеувлекающему потоку неустройствъ.

Тогда только для Имперіи Австрійской, Королевства Прусскаго и Германскихъ Государствъ опасность миновала. Императоръ Николай довершилъ великое дѣло водвореніемъ общаго порядка.

Великодушно подавъ руку помощи Австрійской Имперіи, Русскій Императоръ снова сталъ безмолвнымъ зрителемъ совершавшихся событій.

Въ это время Онъ достигъ апогеи величія и славы. Избѣгнувъ всѣхъ столкновеній съ неустройствами и смутами, Николай I-й сталъ надежнымъ покровителемъ, оплотомъ для колебавшихся Западныхъ Монархій.

Послѣ 2-го Декабря 1852 года, вліяніе Русскаго Императора еще болѣе возрасло: возмущеній

не стало; Французская республика преобразилась въ Имперію. Спокойно взиралъ Русскій Государь на Западъ. Тишина, водворившаяся послѣ четырехъ послѣднихъ лѣтъ, становилась надежнымъ ручательствомъ за будущее. Со стороны Австріи и Пруссіи Россія не могла предвидѣть противодѣйствій.

Нельзя было сказать того же о Франціи; въ Іюлѣ 1840 года, она была исключена изъ союза на конгресѣ четырехъ первыхъ державъ, именно по поводу Восточнаго вопроса. Повтореніе подобнаго исключенія очень бы понравилось всѣмъ, кому угрожалъ бѣдою 1848 годъ; всѣмъ тѣмъ, которые видѣли въ возстановленіи Имперіи торжественное нарушеніе трактатовъ 1815 года. Въ словахъ: «Французская республика, Французская Имперія» заключались двѣ угрозы, двѣ вины, два событія, которыя должно было вычеркнуть изъ страницъ исторіи. Первой уже не стало. Впрочемъ новая Имперія скоро забыла всѣ обѣщанія вести себя скромно, умѣренно. Людовикъ Наполеонъ какъ будто вызывалъ Европу на борьбу, въ эпоху женитьбы своей на гра-

финѣ Теба. Онъ звалъ себя «выскочкою»; во многихъ случаяхъ напоминалъ о народности, изъ которой самъ получилъ начало; говорилъ, что Имперія его *«избирательная»* и представлялъ предъ лицемъ наслѣдственныхъ владѣтелей такъ мало сходства съ древними династіями, что умы большинства были поражены подобными дѣйствіями.

Скоро обстоятельства приготовили къ разрѣшенію «Восточный вопросъ.»

II.

Съ обычною смѣтливостью своею, Людовикъ-Наполеонъ понялъ предстоящую опасность. Не смотря на то Франція и Англія, вступившія въ тѣсный союзъ, все еще показывали видъ, что надѣятся на сохраненіе мира. — Въ различныхъ переговорахъ прошло время съ Февраля 1853 года до 20-го Іюня: съ этого числа по 3-е Іюля Русскія войска перешли Прутъ. Переговоры все еще не прекращались. Въ описываемую эпоху, общественное мнѣніе, колебавшееся между ми-

ромъ и войною, громко и единодушно высказывалось въ пользу послѣдней, и возставало противъ Россіи во всѣхъ западныхъ европейскихъ журналахъ.

Людовикъ - Наполеонъ очень хорошо видѣлъ, что необходимо было открыть новое поле неугомонной дѣятельности Французовъ, такъ тревожно проявлявшейся до 2-го Декабря, т. е. до объявленія Имперіи. Онъ понималъ, что армія его, принимавшая еще недавно участіе въ междоусобныхъ смутахъ, непремѣнно должна была заняться настоящею войною; начиная непріязненныя дѣйствія, онъ думалъ идти по слѣдамъ великаго своего соименника, и находилъ въ томъ пищу собственному тщеславію; наконецъ онъ принималъ подъ свою защиту слабую, упадавшую державу — и тѣмъ надѣялся высоко стать въ глазахъ всей Европы.

Собственно ему былъ необходимъ союзъ съ Англіею, и онъ заключилъ этотъ союзъ. Франція по праву могла укорять Людовика-Наполеона во всѣхъ бѣдствіяхъ, которыя неминуемо влечетъ за собою война: но Франція уже не имѣла

никакого голоса и безмолвно, по произволу вѣтра, неслась къ новымъ событіямъ. Люди нетерпѣливые могли упрекнуть Императора Французовъ въ медлительности, въ мечтательности, похожей на слабость; но онъ съ каждымъ днемъ подвигался впередъ, со всею осторожностью, отличающею всѣ его дѣйствія.

По переходѣ Русскими Прута, война стала дѣломъ рѣшенымъ. Но съ этой эпохи начался рядъ бѣдственныхъ ошибокъ, имѣвшихъ слѣдствіемъ неустройство и безсиліе союзныхъ силъ какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Европы, какъ въ Балтійскомъ, такъ и въ Черномъ морѣ.

Надежда заключить съ Австріею союзъ, подобно заключенному съ Англіею, желаніе возстановить на Россію всѣхъ вѣнценосныхъ представителей Европы, сбили съ толку политику Франціи и въ одну кампанію погубили силу Западныхъ армій. Союзъ съ Австріею запуталъ дѣло и сталъ непреодолимою преградою для какого либо успѣха.

Война была объявлена и разгоралась на Дунаѣ и въ Черномъ морѣ, съ 1853 года. Мы знако-

мы съ боемъ подъ Ольтеницей, Четати, разгромленіемъ Турецкаго флота при Синопѣ и пр. Людовикъ-Наполеонъ, постоянно мечтая о войнѣ, объявилъ ее только чрезъ 6 мѣсяцевъ. 27 Марта 1854 г. высказались обѣ союзныя державы. Въ это время Русская армія во многихъ мѣстахъ перешла Дунай, овладѣла Добруджей и угрожала Булгаріи.

Эта медлительность оправдывала обвиненія, упадавшія на Людовика-Наполеона. Извѣстно, что союзъ съ Австріею онъ почиталъ спасительнымъ. Этимъ самымъ онъ испортилъ надежное положеніе, въ которомъ находился; истребилъ тѣ плоды, которые долженъ былъ извлечь въ нравственномъ и вещественномъ отношеніяхъ, вступаясь за дѣло Турціи. Онъ потерялъ время внимательно слѣдя за Вѣнскими протоколами; убивалъ часы за разстановкою фразъ и знаковъ препинаній и занимался сплетеніемъ неисходной сѣти для Австріи и Пруссіи.

Послѣдняя—въ его глазахъ уже успѣла освободиться изъ уготовленныхъ ей сѣтей. Но Людовикъ-Наполеонъ еще не убѣжденъ въ замѣша-

тельствахъ, причиняемыхъ союзничествомъ Австріи, онъ не видитъ еще того безсилія, въ которое ввергаетъ насъ Австрія по чистой прихоти своей или по своимъ опасеніямъ.

Извѣстно, какъ дорого обошелся въ былые годы знаменитому полководцу союзъ его съ Австріею. Въ этомъ союзѣ Наполеонъ I-й нашелъ гибель свою.—Наполеонъ III, хорошо изучившій исторію Имперіи, кажется забылъ это обстоятельство. Эта страница исторіи кажется для него написана гіероглифами:— онъ не разбираетъ ихъ—или не хочетъ разобрать.

Впрочемъ мы должны сказать, что такое ослѣпленіе имѣетъ свои причины. Ему хотѣлось бы сбросить съ себя названіе *выскочки* (parvenu), принятое имъ съ такою отвагой. Ему хотѣлось бы твердою ногою стать въ семьѣ древнихъ европейскихъ царственныхъ династій, и въ дипломатическихъ Совѣтахъ Европы.

III.

Предъ объявленіемъ войны, состоявшимся только 27-го Марта 1854 года, Французское пра-

вительство занялось пріуготовленіемъ значительныхъ военныхъ силъ. Полки, назначенные для составленія восточной арміи, приводились на военное положеніе. — Въ Африкѣ уже отчасти готовы были войска, испытанныя въ бояхъ; между ними зуавы и африканскіе стрѣлки были извѣстны по своей ловкости и храбрости.

11-го Марта, послѣ отъѣзда Гг. Киселева и Брунова изъ Парижа и Лондона и возвращенія Кастельбажака и Сеймура изъ С.-Петербурга, послѣдовалъ декретъ Императора, опредѣлившій составъ войска.

Числительность нашихъ силъ простиралась до 40 т. челов., собранныхъ изъ всѣхъ мѣстъ Франціи и Алжира. — То былъ цвѣтъ нашей арміи; то было войско надежное, извѣданное, подъ предводительстомъ офицеровъ опытныхъ. Отправленіе этого войска, одушевленнаго патріотизмомъ, нетерпѣливо желавшаго помѣрять силы въ борьбѣ съ отдаленнымъ врагомъ и разсчитаться за неудачи лѣтъ протекшихъ—представляло зрѣлище величественное.

Почти за одинъ разъ вся эта армія была пе-

ревезена на многочисленныхъ пароходахъ и 200 транспортныхъ судахъ. Въ концѣ Апрѣля войска были высажены въ Галлиполи, куда только ожидали прибытія Маршала Сентъ-Арно, который долженъ былъ отправиться на пароходѣ «Бертолетъ».

Нѣсколько Англійскихъ полковъ прибыли въ Галлиполи прежде насъ. Англійскія войска, также одушевленныя энтузіазмомъ, послѣдовательно стали прибывать на мѣсто.

И съ той поры сколько неосуществившихся надеждъ!—Какъ вѣрили мы тогда въ побѣду, и какъ охотно шли на бой! — Всѣ взоры были устремлены на Дунай, гдѣ длилась война съ перемѣннымъ счастіемъ.

Каждый изъ насъ хотѣлъ нетерпѣливо отплатить за пораженіе Синопское и другіе успѣхи враговъ нашихъ. И чѣмъ же занялись мы въ теченіе двухъ мѣсяцевъ?—Даже и теперь трудно объяснить причины этого бездѣйствія. Французская армія находилась подъ начальствомъ Генерала Канробера; Англійскою арміею предводительствовалъ Генералъ-Лейтенантъ Браунъ.—Главнокомандующіе оставались въ Константинополѣ.

Они прибыли въ Варну 19-го Мая, и 21-го имѣли съ Омеръ-Пашею совѣщаніе, на которомъ былъ утвержденъ планъ совокупныхъ дѣйствій для всѣхъ трехъ армій.

Въ этомъ совѣщаніи были исчислены силы союзныхъ войскъ, опредѣлены пути дѣйствія и способы продовольствованія; наконецъ, кажется, что тогда же составленъ былъ общій планъ совокупныхъ дѣйствій сухопутныхъ и морскихъ силъ. Сентъ-Арно провозглашенъ Генералиссимусомъ союзныхъ армій.—Изъ Варны главнокомандующіе отправились въ Шумлу, гдѣ былъ произведенъ смотръ войскамъ Омеръ-Паши.—Армія его состояла изъ 45 т. челов., хорошо обученныхъ;—но этимъ числомъ нельзя было ни принудить Русскихъ къ снятію осады Силистріи, ни защитить Балканы. Лордъ Рагланъ и Сентъ-Арно отдали наконецъ приказаніе Англійскимъ войскамъ изъ Скутари, и Французскимъ изъ Галлиполи—отправиться въ Варну моремъ; Французскій корпусъ состоялъ изъ двухъ дивизій, подъ командою генераловъ Боске и Канробера.

1-го Іюля прибылъ первый эшелонъ союз-

ныхъ войскъ; Зуавы шли впередъ.—Въ Варнѣ и въ Шумлѣ должны были сосредоточиться военныя силы союзниковъ.

Къ несчастію явились новыя проволочки, новыя отлагательства, которыя только и можно объяснить упомянутыми выше дипломатическими сношеніями. Страннѣе всего, что одинъ маршалъ Сентъ-Арно, казалось, зналъ всё, что происходило въ кабинетныхъ сношеніяхъ. Онъ во все время держалъ себя въ отдаленіи отъ генераловъ, и на всѣ замѣчанія, которыя приходилось ему выслушивать, возражалъ таинственно, желая дать особое значеніе словамъ своимъ.

IV.

Здѣсь скажемъ нѣсколько словъ о маршалѣ, котораго смерть избавила во̀-время отъ самой тягостной отвѣтственности.

Маршалъ былъ снабженъ инструкціями. Возведенный на высокую степень почестей, за оказанныя лично Людовику Наполеону услуги, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, онъ нѣкоторымъ образомъ насильственно вторгся въ его

довѣренность и зналъ всегда заранѣе всѣ его предначертанія. Онъ раздѣлялъ политическіе виды Императора относительно союза съ Австріею, и при всѣхъ обстоятельствахъ выказывалъ себя проникнутымъ идеями порядка и преданнымъ монархическому и религіозному началамъ. Въ Константинополѣ онъ употребилъ всѣ старанія для убѣжденія интернунція Австрійскаго въ правотѣ Французскаго правительства и увѣрялъ его въ искреннемъ желаніи, чтобъ кабинеты Парижскій и Вѣнскій шли однимъ путемъ. Эти увѣренія увлекли интернунція, который, принявъ ихъ благосклонно, довелъ обо всемъ до свѣдѣнія своего правительства, до того времени необнаруживавшаго еще настоящихъ своихъ намѣреній.

Къ пріѣзду маршала въ Константинополь, былъ отозванъ въ Парижъ Французскій посланникъ, и въ самомъ дѣлѣ—посланникъ становился безполезнымъ; маршалъ могъ вполнѣ замѣнить его. Сентъ-Арно принялъ на себя отчасти даже полицейскій надзоръ; онъ приказалъ доводить до своего свѣдѣнія все, что касалось до личныхъ отношеній генераловъ, офицеровъ, и строго вы-

говаривалъ нѣкоторымъ за сближеніе съ Австрійскими выходцами, прикосновеніе которыхъ къ французскому мундиру могло не понравиться г. Бруку. Онъ не скрывалъ негодованія своего противъ Клапки и Высоцкаго, и сдѣлалъ распоряженіе объ изгнаніи всѣхъ гражданскихъ лицъ, появлявшихся иногда въ рядахъ арміи. Мѣра была вполнѣ одобрена Наполеономъ.

Сентъ-Арно, убивавшій время въ подобныхъ занятіяхъ, не радѣлъ о войскѣ и оно съ этой эпохи стало подвергаться лишеніямъ, за которыя должно отвѣчать не военное министерство, но управленіе главнаго штаба Восточной арміи, допустившее всевозможные безпорядки. Начальникъ штаба, генералъ Мартемпрей, человѣкъ дѣятельный, смышленый; онъ даже имѣетъ хорошія административныя способности; но этотъ генералъ *не рпшался* принять на себя никакой отвѣтственности. За каждой бездѣлицей, за разрѣшеніемъ вопроса самаго обыкновеннаго онъ непремѣнно обращался къ маршалу, а какъ до маршала дойти было не такъ-то легко, потому что онъ и жена его обращали гораздо больше вниманія

на интриги и наружную обстановку, нежели на дѣла—то и служебныя занятія пришли въ разстройство, къ неотвратимому ущербу арміи.

Мы не станемъ разсматривать финансоваго управленія маршала; министръ финансовъ и контроль будутъ вотще искать документовъ, на которыхъ бы могли основаться расходы, произведенные съ прибытіемъ войскъ въ Галлиполи до отплытія въ Варну.

Этотъ безпорядокъ, эти растраты отозвались во всѣхъ вѣтвяхъ управленія. Въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ, не одинъ изъ подобныхъ администраторовъ былъ бы сосланъ на галеры за такое неправильное счетоводство и за тѣ лишенія, которымъ отъ него подвергался солдатъ.—Безпорядки въ высшемъ управленіи давали поводъ къ безпорядкамъ между подчиненными, и скоро, убѣдясь въ терпимости, всѣ получили убѣжденіе въ безнаказанности.

Дурные слухи стали распространяться въ войскѣ, а въ послѣдствіи, при пожарѣ Варны, разнеслись обвиненія, указывавшія прямо на начальствующія лица въ арміи.—Въ этихъ обстоя-

тельствахъ потери, понесенныя Французскою арміею, дали возможность подрядчикамъ Австрійскимъ, имѣвшимъ входъ къ маршалу, нажить огромные капиталы.

Есть еще одно обстоятельство, оставшесся необъясненнымъ, именно недостатокъ хлѣба въ Варнѣ въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Интендантство арміи, совершенно неожидавшее этого недостатка, было вынуждено торопливо доставлять сухари изъ Орана, Алжира и Тулона.

Около половины Мая, мы получили приказаніе отправиться изъ Галлиполи. Дивизіи Канробера и Боске были перевезены моремъ въ Варну. Дивизія Принца Наполеона, сдѣлавшая одну половину перехода моремъ, а другую берегомъ, остановилась въ Константинополѣ. Дивизія Форе, остававшаяся въ Аѳинахъ для подавленія Греческаго возстанія, расположилась лагеремъ въ Галлиполи.

Принцъ Наполеонъ былъ въ это время въ Константинополѣ. Со времени его пріѣзда передъ нимъ послѣдовательно проходили всѣ главныя дѣйствующія лица этой драмы; онъ имѣлъ возможность узнать Решидъ-Пашу и г. Брука,

которые тогда составляли трактатъ 20-го Іюня между Австріею и Турціею. Принцъ вездѣ слышалъ жалобы и на политическое направленіе совершающихся событій, и на необъяснимую медленность отправленія войскъ въ Булгарію, гдѣ собственно находился театръ военныхъ дѣйствій. Но Принцъ ничего не могъ сдѣлать и громко говорилъ это всякому. Всѣ его распоряженія были въ зависимости отъ маршала, который видимо имѣлъ причины не торопиться: Сентъ-Арно очень хорошо зналъ проектъ договора, составляемаго Решидъ-Пашею и Брукомъ; онъ самъ присутствовалъ однажды въ совѣщаніяхъ и отправилъ Императору копію этого проекта.

Принцъ въ-особенности смотрѣлъ съ соболѣзнованіемъ на то затруднительное положеніе, въ которое поставленъ былъ Омеръ-Паша. Турецкій генералъ жаловался, что въ Константинополѣ совершенно забыли объ его Дунайской арміи, что она подвергнута была всякимъ лишеніямъ, терпѣла нужду въ съѣстныхъ припасахъ, одеждѣ и боевыхъ снарядахъ. 24-го Мая Принцъ Наполеонъ, уважавшій Омеръ-Пашу,

принималъ у себя одного изъ офицеровъ Дунайской арміи, объяснившаго ему печальное положеніе генералиссимуса. Передъ отъѣздомъ къ дивизіи своей въ Галлиполи, Принцъ говорилъ объ этомъ Султану, и просилъ генерала Боске довести о томъ же до свѣдѣнія маршала, не открывая источника этихъ жалобъ и путей, по которымъ онѣ дошли до него. Султанъ не обратилъ вниманія на слова Принца; онъ равнодушно возразилъ ему, что переговоритъ обо всемъ съ Риза-Пашею,—военнымъ министромъ, который пользуется его совершенною довѣренностію. Маршалъ же, выслушавъ генерала Боске, возразилъ высокомѣрно, и отозвался самымъ грубымъ образомъ о Турецкой администраціи.

У Султана было совѣщаніе, въ которомъ присутствовали маршалъ Сентъ-Арно, Лордъ Рагланъ, Решидъ-Паша, Риза-Паша и Мехметъ-Кебресли-Паша. Въ этомъ совѣщаніи маршалъ объявилъ о жалобахъ Омеръ-Паши, и желалъ распространиться по этому предмету: при первыхъ словахъ маршала Риза-Паша подалъ въ отставку.

Само-собою разумѣется, что продѣлка эта

была сдѣлана только для вида, и маршалъ, замѣтивъ неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное его словами на Султана, замолчалъ. Впрочемъ, по окончаніи совѣта, Риза-Паша далъ объясненія, которыми маршалъ до такой степени удовлетворился, что, говоря генералу Боске объ Омеръ-Пашѣ и его сѣтованіяхъ, онъ называлъ Турецкаго генерала *мнимымъ больнымъ*.

Г. Брукъ, видя въ Босфорѣ войска Англо-Французскія, отправляющіяся въ Булгарію, не замедлилъ окончить сношенія, начатыя съ Решидъ-Пашею: трактатъ 20-го Іюня между Турціею и Австріею былъ подписанъ. Онъ предварительно былъ доставленъ маршалу на разсмотрѣніе, который возвратилъ этотъ документъ безъ возраженій.

Въ это время въ Варнѣ находилось отъ 38 до 40 т. нетерпѣливо просившихся подъ Шумлу и Силистрію; но всѣ помыслы о подобныхъ движеніяхъ были прекращены трактатомъ 20-го Іюня.

19-го Іюня о немъ знала Биржа; въ тотъ же день изъ Вѣны была отправлена депеша о скоромъ очищеніи Русскими войсками Дунайскихъ Княжествъ.

V.

Россія естественно имѣла всѣ права положиться если не на содѣйствіе, то на совершенный неутралитетъ Австріи.

Императоръ Николай могъ предполагать, что спасенная имъ отъ гибели и возстановленная Австрія сохранила сознаніе великихъ услугъ, ей оказанныхъ. Онъ могъ полагать, что Австрія не извлечетъ меча, который безъ его помощи преломился бы въ смутахъ. Въ Совѣтѣ юнаго Императора благодарность не должна ли была занять первое мѣсто?—Впрочемъ такъ заставляло думать самое поведеніе Австрійскаго Кабинета.—Его нерѣшительная политика избѣгала всякихъ столкновеній съ войною; въ Вѣнѣ шли нескончаемые переговоры, писались ноты, предложенія, протоколы, имѣвшіе цѣлью выиграть время и предоставить обстоятельствамъ возрожденіе такого событія, которое могло бы служить Австріи благовиднымъ поводомъ къ принятію дѣятельнаго участія въ Восточномъ вопросѣ.

Австрія разыгрывала партію свою осторожно;

осмотрительно подвигалась она по этой политической тропѣ, усѣянной на каждомъ шагу преградами и опасностями.

Безъ сомнѣнія, Австрія не могла раздѣлять политическихъ мнѣній Западныхъ державъ: въ этихъ мнѣніяхъ ясно говорилось о независимости Турціи, а часть, которая могла выпасть при раздѣлѣ этой страны на долю Австріи, приводила въ раздумье Вѣнскій Кабинетъ. — Но въ то же время Австрія не хотѣла отступить отъ политическихъ преданій Князя Метерниха въ войнѣ 1828 — 1829, когда одинъ Вѣнскій Кабинетъ возсталъ противъ Россіи, между тѣмъ какъ Парижскій, Лондонскій и Берлинскій безмолвно смотрѣли на переходъ Русскихъ войскъ черезъ Балканы и на заключеніе Адріанопольскаго трактата.

Чѣмъ громаднѣе были услуги, полученныя Австріею въ 1849 году, тѣмъ неудержимѣе было нетерпѣніе, съ которымъ она желала сбросить тяжелое иго благодарности, лежавшее на ней какъ знаменіе слабости въ прошедшемъ и неувѣренности въ будущемъ.

Казалось, Австрія искала только случая, чтобъ удачно приложить къ дѣлу слова Князя Шварценберга: «мы удивимъ свѣтъ *величіемъ* нашей неблагодарности».

Совершавшіяся событія скоро вызвали проявленіе этой неблагодарности.—Наконецъ и Австрія понемногу стала склоняться на ходатайство Наполеона и Кабинета Виндзорскаго; она стала проявлять намѣреніе вступить въ ряды державъ Западныхъ, которымъ такое союзничество должно быть болѣе пагубно, нежели полезно, какъ уже доказали самыя событія.

Императоръ Австрійскій съ самаго начала склонялся къ союзу съ Западомъ; его юныя идеи, смѣлый умъ, предпріимчивый характеръ, желаніе принять участіе въ буряхъ войны, все вызывало его на это сближеніе.

Лица, окружающія Франца-Іосифа, казалось, раздѣляли это мнѣніе, но не такъ рѣзко высказывались, затѣмъ, что, углубляясь въ рѣшеніе этого вопроса, они хорошо понимали всѣ послѣдствія такого союза. Австрія хотѣла этого сближенія и потому, что въ глазахъ ея Россія

постоянно угрожала Германской Имперіи. Занятіе устьевъ Дуная Русскими мѣшало развитію Австрійской торговли въ Черномъ морѣ и на Востокѣ.—Въ Вѣнѣ, неизвѣстно почему, подозрѣвали какія-то тайныя намѣренія Россіи нечувствительно овладѣть умами Славянскихъ народовъ и Грековъ Оттоманской Имперіи и такимъ образомъ расширить владычество Россіи до Адріатическаго моря, посредствомъ непрерывной связи поколѣній Молдаво-Валажскихъ, Сербовъ и Черногорцевъ.

Вотъ причины, побуждавшія Австрію къ союзу съ Западомъ, не смотря на всѣ услуги, полученныя ею отъ Россіи въ 1848 — 1849 годахъ.

Но это сближеніе съ Западомъ представляло для нея многія важныя, неотвратимыя опасности. — Мы видѣли, съ какою медлительностію она вступала въ товарищество, обѣщанное Франціи и Англіи съ самаго начала. Это происходило отъ того, что Австрія вступала въ союзъ на условіяхъ, которыхъ принятіе было невозможно. Она вступила въ борьбу, имѣя въ ви-

дахъ измѣнить характеръ борьбы этой, затруднить самый исходъ ея.

Австрія видѣла неизбѣжную опасность въ прибытіи Французскихъ войскъ на границы Венгріи; это сближеніе могло возродить въ національной Венгерской партіи надежды, вызвать смуты, могло исторгнуть съ корнемъ древо Австрійской Монархіи, недавно укрѣпившееся въ почвѣ. — Въ рядахъ самой Французской арміи стали показываться Венгерскіе выходцы. Австрія страшилась появленія Французскихъ знаменъ на границахъ Венгріи; она вступала въ союзъ съ Западомъ, съ тѣмъ, чтобы не появлялись тамъ эти знамена. Можно ли было принять на такихъ условіяхъ ея союзничество? — а оно было принято.

Наполеонъ III высоко цѣнилъ союзъ съ Австріею: онъ, во что бы ни стало, хотѣлъ итти рука въ руку съ потомкомъ древняго Габсбургскаго Дома.

Онъ уже шелъ въ однихъ рядахъ съ Англіею, и такимъ товариществомъ Великобританія, — это горнило всѣхъ враждебныхъ предпріятій про-

тивъ Франціи, торжественно признавала новую Имперію. При содѣйствіи такой союзницы, Франція извлекала мечъ, не возбуждая укоровъ древней Европы, которая безбоязненно смотрѣла на замыслы Наполеона, какъ на непремѣнный, наслѣдственный даръ, полученный имъ отъ великаго полководца-соименника.

Но этого было мало новому Наполеону: онъ хотѣлъ союза съ Австріею; онъ хотѣлъ, чтобы Европа сказала: «Австрія была соединена тѣсны-«ми узами съ Россіею; но она пренебрегла ими, «для того, чтобы вступить въ союзъ съ геніемъ «и счастіемъ Наполеона III».

VI.

Изъ трактата 20-го Іюня произошли всѣ бѣдствія Англо-Французской арміи въ войнѣ противъ Россіи.

Этимъ трактатомъ Вѣнскій Кабинетъ преграждалъ путь знаменамъ Англо - Французской арміи въ Молдавію, Валахію и Бессарабію. Удаляя отъ границъ Венгріи всякую возможность

неустройствъ, что было чрезвычайно важно для Австріи; обеспечивъ себя такимъ образомъ въ отношеніи владѣній своихъ, болѣе доступныхъ неустройствамъ, Австрія воздвигала между нами и Россіею Китайскую стѣну, подъ защитою которой послѣдняя могла соединить силы по всей границѣ своей и въ-особенности въ Одессѣ и Севастополѣ, тогда начинавшихъ обращать общее вниманіе.

Австрія толковала Турціи: «я принимаю тебя подъ мое покровительство».

Англіи и Франціи она твердила: «я съ вами; я заставлю Русскихъ обратно перейти Прутъ!» Наконецъ она увѣряла Россію: «всѣ враждебныя дѣйствія мои только для виду; теперь защищайте Одессу и Севастополь — и хорошенько проучите союзниковъ».

Съ невыразимою горестью смотрѣли наши генералы на ратификацію трактата 20-го Іюня. Принцъ Наполеонъ явно изъявлялъ свое негодованіе. Генералъ Боске поговаривалъ въ дружественныхъ бесѣдахъ, что это похоже на измѣну; самъ Канроберъ не скрывалъ своего

негодованія. Турки стали рѣшительно въ-тупикъ. Англичане не говорили ни слова; они не высказывали своихъ мнѣній: таковы всегда были ихъ военные обычаи. Генералъ Скэрлетъ, къ которому кто-то подошелъ съ объясненіемъ по этому случаю, тотчасъ же откланялся подъ предлогомъ важныхъ служебныхъ занятій. Было бы совершенно безполезно объ этомъ говорить съ Лордомъ Рагланомъ и Герцогомъ Кембриджскимъ: отъ нихъ нельзя было ничего добиться.

Маршалъ Сентъ-Арно видимо торжествовалъ. Смотря на его восторгъ, можно было подумать, что трактатъ этотъ былъ его изобрѣтеніемъ и плодомъ его соображеній. Онъ поздравлялъ Решидъ-Пашу, и изъявлялъ г. Бруку полное удовольствіе, видя, что правительство его наконецъ принимаетъ рѣшительныя мѣры.

VII.

Русскіе сами сняли осаду Силистріи и медленно отступили во внутренность Княжествъ, шагъ за шагомъ, уступая мѣсто Туркамъ, подвигав-

шимся весьма осторожно; скоро Австрійцы смѣнили Турокъ въ Княжествахъ.

Что же дѣлали мы подъ Варной?—Потерявъ всякую надежду идти на Дунай и помѣрять силы съ Русскими, войска наши, томимыя нестерпимымъ лѣтнимъ зноемъ, упали совершенно духомъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, т. е. съ 20-го Іюня по 20-е Августа, тоска по родинѣ, тифусъ и холера страшно свирѣпствовали въ рядахъ союзниковъ. Печальное зрѣлище представляли тогда наши арміи; госпитали были набиты биткомъ; смерть косила усердно, и при всемъ томъ дисциплина видимо слабѣла въ войскахъ, что впрочемъ было весьма естественно.

Поднялся общій ропотъ; въ нѣкоторыхъ баталіонахъ пришлось унимать возстанія: солдаты громко требовали своихъ любимыхъ изгнанныхъ генераловъ.

Къ этой эпохѣ относится первая болѣзнь Принца Наполеона, которая не оставляла его уже въ послѣдствіи, во всю экспедицію. Онъ занемогъ тифусомъ и доктора совѣтовали ему отправиться въ Константинополь, гдѣ воздухъ былъ чище

и жизнь спокойнѣе. Личная его энергія и медицинскія пособія частью возстановили здоровье Принца; но онъ сильно страдалъ, видя безпрестанныя интриги, которыхъ нити изъ Парижскаго Кабинета сосредоточивались въ Константинополѣ. Принцъ очень хорошо зналъ все, что происходило въ Парижѣ, Вѣнѣ и въ Диванѣ. Онъ получалъ письма изъ Франціи, въ которыхъ ясно видѣлъ непреклонное упорство, неизлечимое ослѣпленіе Наполеона III. Принцъ могъ слѣдить въ столицѣ Турціи за всѣми распоряженіями маршала и очень хорошо зналъ участіе его въ губительной политикѣ, которой такъ усердно слѣдовалъ Французскій Императоръ; наконецъ Принцъ зналъ всѣ подробности частныхъ совѣщаній Брука и Решидъ-Паши, а между тѣмъ они совершенно были увѣрены, что ихъ переговоры покрыты непроницаемою тайной.

Принцъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней раздѣлялъ общее уныніе и формально просилъ дозволенія о возвращеніи во Францію.—Онъ съ отвращеніемъ принималъ участіе въ борьбѣ, изъ

которой не могъ предвидѣть исхода; въ такой борьбѣ, гдѣ и самые проницательные люди видѣли только однѣ неудачи, одни разочарованія.— А въ то время никто еще и не помышлялъ о бѣдствіяхъ, которыя ожидали насъ впереди.

На эту просьбу, поданную по начальству, согласія не послѣдовало. Императоръ желалъ, чтобъ Принцъ присутствовалъ въ дѣйствующей арміи; для чести Франціи, для чести Императорскаго дома,—Принцъ долженъ былъ остаться.

VIII.

Въ началѣ Іюля стали наконецъ поговаривать о Крымской экспедиціи.—Первая мысль о ней явилась не на Востокѣ: ее задумали въ Парижѣ, и потомъ, побывавъ въ Лондонѣ и Вѣнѣ, и будучи вездѣ принята благосклонно, она достигла и до насъ.

Въ Лондонѣ негоціанты Сити и акціонеры Остъ-Индской компаніи громко рукоплескали при одной мысли о взятіи Севастополя и объ истребленіи Русскаго флота въ Черномъ морѣ. Что же касается до приведенія въ дѣйствіе

предначертанныхъ военныхъ плановъ, то Англійскій Кабинетъ, по бо̀льшей части состоящій изъ людей коммерческихъ, мало свѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ, вполнѣ полагался на распоряженія нашего правительства, которое по крайней мѣрѣ, повидимому, въ этомъ отношеніи могло представить вѣрныя ручательства за успѣхъ. Почтенный графъ Абердэнъ приходилъ въ восторгъ отъ смѣлости и вѣрности нашихъ соображеній; Герцогъ Ньюкестль заранѣе радовался непремѣнному успѣху союзныхъ армій; лордъ Пальмерстонъ опасался одного: ему казалось, что онъ недовольно ясно доказываетъ поспѣшность, съ которою Англія дивится генію и принимаетъ планы Императора.

Повторяемъ, что въ Тюльерійскомъ Кабинетѣ родилась мысль Крымской экспедиціи.—Въ уединеніи, согбенный надъ картою Крыма, не спуская съ нея глазъ, съ циркулемъ въ рукѣ, Императоръ проводилъ цѣлые часы за составленіемъ плана экспедиціи; переписавъ его собственноручно, онъ отправилъ планъ этотъ въ Константинополь, не показавъ никому. Императоръ

опасался возраженій, которыя маршалъ Вальянъ сдѣлалъ бы ему неминуемо; — подобныхъ возраженій Наполеонъ III терпѣливо не могъ бы выслушать.

IX.

Маршалъ Сентъ-Арно въ Іюлѣ получилъ повелѣніе о походѣ въ Крымъ.—Онъ не сдѣлалъ на то никакихъ замѣчаній, принялъ его безмолвно и отдалъ приказъ по войскамъ объ экспедиціи, будто она была плодомъ его собственныхъ соображеній. Одинъ генералъ Мартемпрей зналъ въ чемъ дѣло; войска же долгое время считали Сентъ-Арно создателемъ этого плана. Большая часть генераловъ была того же мнѣнія.

Съ этой минуты маршалъ показалъ баснословную дѣятельность; онъ безпрестанно переносился изъ Варны въ Константинополь, изъ Константинополя въ Варну; самъ присутствовалъ при начальныхъ приготовленіяхъ по экспедиціи; почти каждый день совѣщался съ лордомъ Рагланомъ и всѣми силами старался возбудить упавшій духъ арміи.

Маршалъ обладалъ въ высшей степени даромъ увлеченія; его смѣлое, прямое, рѣшительное обращеніе нравилось солдату; но этотъ же солдатъ, которому онъ такъ нравился, едва маршалъ отходилъ отъ него—приходилъ въ раздумье и спрашивалъ себя: какое ручательство въ успѣхѣ заключается въ безпокойномъ, болѣзненномъ, измѣнчивомъ характерѣ этого человѣка?—и солдатъ снова впадалъ въ свои прежнія сомнѣнія, и снова принималъ видъ мрачный, даже угрожающій.

Получивъ отъ генерала Канробера рапортъ вовсе неуспокоительный, маршалъ изъ Константинополя послалъ приказаніе дать нетерпѣливымъ солдатамъ какое нибудь занятіе.

«Въ Добруджѣ должны быть Русскіе, писалъ онъ къ Канроберу. — Сдѣлайте на нихъ нападеніе, одержите надъ ними верхъ такимъ образомъ, чтобы мы могли поздравить Императора съ побѣдою къ народному празднику 15-го Августа. Не пошлете ли вы туда генерала Эспинаса: онъ способнѣе всѣхъ на такое дѣло».

Приказанія маршала были исполнены и эта

экспедиція поручена генералу Эспинасу. Нѣсколько сотенъ казаковъ, показываясь издали и отступая при сближеніи съ ними, завлекли наши баталіоны въ болотистыя равнины съ зловредными испареніями, въ 25-ти лье (100 верстахъ) отъ Варны. Потомъ, сдѣлавъ свое дѣло, казаки исчезли и больше насъ не безпокоили.

Дивизія наша была рѣшительно залита потоками дождей, за которыми вслѣдъ наступили жары тропическіе. 6 т. челов. погибли въ этой экспедиціи, а другія 2 т., въ слѣдствіе болѣзней, сдѣлались навсегда неспособными къ службѣ.

Въ то же время холера и тифусъ свирѣпствовали въ Варнѣ, Галлиполи и Пиреѣ; словомъ, къ 15 Августу—вмѣсто побѣдной вѣсти, приходилось послать къ Императору донесеніе о 14 т. умершихъ!

X.

Наконецъ, изъ Парижа получено было приказаніе ускорить экспедицію. Сентъ-Арно возвратился изъ Константинополя въ Варну и созвалъ военный совѣтъ.

Генералы: Канроберъ, Броунъ и Контръ-Адмиралъ Лэйонсъ, въ сопровожденіи свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ офицеровъ, произвели рекогносцировку юго-западныхъ береговъ Крыма. Свѣдѣнія, доставленныя ими, показали возможность высадки, подъ покровительствомъ огня морской артиллеріи на нѣсколькихъ пунктахъ и позволили опредѣлить пути дѣйствій отъ сихъ пунктовъ къ Севастополю.

Военный совѣтъ собрался въ Варнѣ, вначалѣ Августа, если мы не ошибаемся, 10-го числа.

На совѣтѣ предсѣдательствовалъ маршалъ Сентъ-Арно. Во время предварительнаго совѣщанія онъ сообщилъ Принцу Наполеону и генераламъ Канроберу и Боске планъ экспедиціи, заранѣе составленный самимъ Наполеономъ III, присланный изъ Біаррицы.

Маршалъ предложилъ совѣту обсудить проектъ десантной экспедиціи на берегахъ Крыма, показалъ важность ея для Англо-Французской политики, разобралъ планъ, къ сожалѣнію слишкомъ опредѣлительный. Предстояло, по словамъ его, избрать пунктъ для высадки; самый десантъ

произвести подъ покровительствомъ флота, во что бы ни стало разбить Русскія войска, которыя по всей вѣроятности окажутъ сильное сопротивленіе, и послѣ побѣды идти прямо на Севастополь и овладѣть имъ открытою силою. Таковы были предложенія маршала, не смотря на то, что у него вовсе не было никакихъ положительныхъ свѣдѣній ни о силахъ Русскаго дѣйствующаго отряда, ни о Севастопольскомъ гарнизонѣ, ни о состояніи крѣпостныхъ верковъ съ сухаго пути. Все, что было извѣстно объ этомъ изъ разныхъ источниковъ, удостовѣряло, что намъ не придется встрѣтить непреодолимыхъ препятствій: Россія только что кончила трудную борьбу на Дунаѣ и не могла сосредоточить въ Крыму значительныхъ силъ. Перенесеніе театра войны на берега Крыма съ одной стороны сопряжено было съ многими опасностями, но съ другой—благопріятный климатъ и самая важность цѣли дѣлали его заманчивымъ.

Взятіе Севастополя должно было привести къ миру, столь желаемому для Королевы Викторіи и Наполеона III.

Въ эти минуты всѣ взоры обратились на лорда Раглана, озабоченное чело котораго выражало недовѣрчивость. Онъ первый указалъ совѣту на недостаточность свѣдѣній о Русскихъ силахъ и о состояніи Севастопольскихъ укрѣпленій съ сухаго пути. Карты, имѣвшіяся у насъ, были неудовлетворительны, также не было ничего извѣстно о состояніи дорогъ, переправъ и вообще о свойствахъ мѣстности театра войны.

У союзниковъ почти не было кавалеріи, тогда какъ Русскіе имѣли конницу, отличавшуюся своими превосходными лошадьми. Всѣ эти обстоятельства обѣщали намъ мало успѣха.

Вице-Адмиралъ Гамеленъ простиралъ еще далѣе сомнѣніе въ успѣхѣ экспедиціи, называлъ предпріятіе рискованнымъ и говорилъ, что союзники въ этомъ случаѣ будутъ походить на искателей приключеній.

По словамъ его силы союзниковъ были недостаточны. Конечно, флотъ могъ содѣйствовать высадкѣ, но приближавшееся равноденствіе могло заставить его удалиться отъ береговъ. Въ

концѣ Сентября онъ уже долженъ былъ искать убѣжища отъ страшныхъ бурь, свирѣпствующихъ на Черномъ морѣ обыкновенно въ это время. Тогда положеніе арміи, заброшенной на непріятельскій берегъ, могло сдѣлаться опаснымъ и даже безвыходнымъ.

Климатъ Крыма суровѣе чѣмъ въ другихъ странахъ той же широты, притомъ же нельзя упускать изъ виду близость моря и расположеніе горныхъ хребтовъ. Этотъ полуостровъ, составляющій южную оконечность Россіи, есть какъ бы вмѣстилище всѣхъ непогодъ этой обширной Имперіи. Самый заливъ Севастопольскій въ нѣкоторые холодные годы замерзаетъ. И что, если атака открытою силою противъ Севастополя не удастся, и если тогда союзныя арміи, для спасенія чести своего оружія, принуждены будутъ прибѣгнуть къ правильной осадѣ, — кто тогда можетъ предсказать исходъ этого предпріятія!

Замѣчанія лорда Раглана о недостаточности свѣдѣній о театрѣ войны и непріятелѣ казались Французскому адмиралу весьма дѣльными, почему онъ и не могъ согласиться на предпріятіе.

Сентъ-Арно отвѣчалъ коротко на эти возраженія. Онъ повторилъ, еще съ большею противъ прежняго энергіею, свои доводы касательно важности экспедиціи, и въ заключеніе объявилъ, что онъ выразилъ предъ совѣтомъ непремѣнную волю своего Императора.

Тогда подалъ свое мнѣніе Принцъ Наполеонъ и защищалъ его почти цѣлый часъ. Онъ говорилъ не только отъ себя, но и отъ имени генерала Боске и Герцога Кембриджскаго, съ которыми наканунѣ условился.

Принцъ рѣшительно отвергалъ возможность экспедиціи. Преклоняясь предъ властью Императора, онъ однако позволилъ себѣ замѣтить, что Наполеонъ III не былъ въ состояніи въ Біаррицѣ оцѣнить всѣ трудности предпріятія. Огромное разстояніе, отдѣлявшее его отъ театра войны, не позволяло ему видѣть вещи въ настоящемъ свѣтѣ. Какъ преемникъ имени Наполеона I, справедливо желалъ онъ продолжать лѣтопись военной славы Франціи, начатую его дядей, но не слѣдовало нынѣшнему Императору Французовъ начинать тѣмъ, чѣмъ тотъ кончилъ;

ибо и самъ маршалъ сознавался, что вторгаться въ Россію, значило предавать себя на произволъ судьбы.

Севастопольскія укрѣпленія могли съ сухопутной стороны быть столь же грозными, какъ и съ моря. Притомъ же адмиралы не рѣшались атаковать входъ въ Севастопольскій заливъ, защищенный 600 орудій, слѣдовательно и нельзя было при нападеніи на городъ съ сухаго пути, расчитывать на содѣйствіе флота, потому что корабли не могутъ состязаться съ каменными стѣнами.

Адмиралы Гамеленъ, Дундасъ, Лэйонсъ и Чарнеръ вполнѣ подтвердили эти слова Принца Наполеона.

Притомъ же высадка на Крымскіе берега, продолжалъ Принцъ, предпринятая съ цѣлью тотчасъ же идти на Севастополь, не можетъ обѣщать желаемыхъ результатовъ. Слѣдуетъ сначала отрѣзать сообщеніе Севастополя съ Россіею и отнять возможность Князю Меншикову получать подкрѣпленія съ береговъ Дуная. Для сего необходимо прежде всего двинуться къ Пере-

копу, расположить тамъ не менѣе двухъ дивизій въ сильной позиціи, подъ защитою флота. Потомъ занять Симферополь, средоточіе областнаго управленія и тогда уже идти къ Севастополю и, смотря по обстоятельствамъ, обложить его или атаковать открытою силою.

Безъ этихъ предварительныхъ дѣйствій высадка на берега Крыма поведетъ за собою продолжительную зимнюю кампанію на Русской землѣ — предпріятіе, какъ справедливо замѣтилъ вице-адмиралъ Гамеленъ, вполнѣ безумное.

Сентъ-Арно отвѣчалъ Принцу Наполеону язвительными намеками на его образъ мыслей и не совсѣмъ пріязненныя отношенія къ Императору. Принцъ возразилъ, что въ выборѣ друзей онъ не проситъ ни чьихъ совѣтовъ, а въ своихъ убѣжденіяхъ руководствуется интересами Франціи и поучительными преданіями первой Имперіи, а потому никто въ этомъ дѣлѣ не можетъ быть судьей, кромѣ его.

Генералъ Канроберъ допускалъ возможность экспедиціи и сообщилъ при этомъ, что въ послѣдствіе произведенной имъ рекогносцировки, онъ

находитъ, что высадка къ югу отъ Севастополя хотя и возможна, но сопряжена съ большими затрудненіями, потому что высоты здѣсь были укрѣплены. Сверхъ того при рекогносцировкѣ съ палубы «Фюріуса» замѣченъ былъ на берегу къ югу отъ города лагерь 25 т. корпуса, а между бухтою и р. Бельбекомъ расположены были лагеремъ около 6 т. человѣкъ.

«Всего удобнѣе можно было высадиться къ западу отъ Евпаторіи, близъ того мѣста, гдѣ находятся развалины древняго укрѣпленія».

«Оттуда армія могла прибыть къ Севастополю въ три или четыре дня, не давъ времени Князю Меншикову сосредоточить своихъ силъ и встрѣтить насъ на пути».

«Тогда, по всей вѣроятности, намъ удастся, пользуясь превосходствомъ силъ, разбить Русскую армію, что несомнѣнно поведетъ за собою покореніе Севастополя».

— «А что будетъ, если Русскіе рѣшатся защищать городъ и если онъ хорошо укрѣпленъ?» возразилъ лордъ Рагланъ.

Маршалъ отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ дол-

жно приступить къ осадѣ сѣверныхъ укрѣпленій и что по занятіи ихъ городъ непремѣнно будетъ вынужденъ къ сдачѣ.

Если же эти укрѣпленія окажутся сильными, тогда легко можно будетъ перейти на южную сторону и повести оттуда правильную осаду, при содѣйствіи флота, который найдетъ себѣ безопасную стоянку въ Балаклавской бухтѣ, осмотрѣнной сиромъ Лэйонсомъ.

Тутъ начались споры о мельчайшихъ подробностяхъ экспедиціи; засѣданіе окончилось тѣмъ, что лордъ Рагланъ и генералъ Боске склонились на сторону Сентъ-Арно.

Вице-адмиралы: Гамеленъ и Дундасъ, Герцогъ Кембриджскій и Принцъ Наполеонъ остались однакожъ при своемъ прежнемъ мнѣніи, но возможность десантной экспедиціи на берега Крыма принята была большинствомъ голосовъ.

XI.

Вопреки наружной увѣренности въ успѣхѣ экспедиціи, Сентъ-Арно глубоко поколебался

въ своихъ убѣжденіяхъ, оппозиціею встрѣченною имъ на военномъ совѣтѣ.—Черезъ нѣсколько дней онъ отдалъ по войскамъ прокламацію, въ которой ясно отразились мрачныя предчувствія, запавшія въ его душу.

Она оканчивалась словами, проникнутыми какою-то безнадежностью, производившими непріятное впечатлѣніе. Вскорѣ прокламація эта появилась въ Монитерѣ, исправленная Наполеономъ III, чѣмъ онъ надѣялся изгладить сомнительное впечатлѣніе, произведенное воззваніемъ Сентъ-Арно, но это уже не поправило дѣла. Русскіе умѣли воспользоваться ошибкою Французскаго главнокомандующаго.

XII.

Французскій десантъ отправился изъ Варны и Бальчика 4-го Сентября; 7-го — флотъ нашъ сталъ на якорь на высотѣ Змѣинаго острова, въ Одесскомъ заливѣ, въ ожиданіи Англичанъ, которые, какъ всегда, опоздали, благодаря своей плохой администраціи. 9-го — оба соединенные

флота, при попутномъ вѣтрѣ, летѣли на всѣхъ парусахъ къ востоко-юго-востоку.

Утромъ 13-го Сентября завидѣли мы бѣловатые берега Крыма и къ вечеру бросили якорь противъ Евпаторіи, занятой уже отрядомъ полковника генеральнаго штаба Трошю. Находившіеся въ городѣ 200 Русскихъ больныхъ солдатъ успѣли выбраться, до прибытія нашихъ войскъ.

Въ полночь весь флотъ снова поднялъ паруса: впереди шли Французы, потомъ Англичане, за ними Турки. 14-го Сентября войска высадились на берегъ Стараго Укрѣпленія, на пунктѣ, указанномъ генераломъ Канроберомъ и осмотрѣнномъ потомъ на мѣстѣ коммиссіею, составленною изъ генераловъ: Канробера, Мартемпрея, Тьери, Бизо, полковниковъ: Трошю и Лебёфа и контръ-адмирала Буё-Вюльомёза. Генералы: Рагланъ, Броунъ, Бургонь и контръ-адмиралъ Лэйонсъ, также присутствовали при этой вторичной рекогносцировкѣ.

На мѣстѣ высадки не было ни одного непріятельскаго солдата. Южнѣе въ устьяхъ рѣкъ Качи и Альмы находилось до 25 т. Русскихъ войскъ.

Такимъ образомъ, высадка произведена была при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Въ первую же ночь мы замѣтили, что у Англичанъ не было вовсе палатокъ. Наши войска были исправно снабжены ими.

Утромъ 15-го Сентября 62,000 чел. находились уже на Русскомъ берегу. Въ томъ числѣ было 28,000 Французовъ, 26,000 Англичанъ и 8,000 Турокъ.

Мы вторгались въ Россію какъ Норманны въ Сицилію, какъ Пизарръ въ Перу, какъ Кортесъ въ Мексику. Какой-то непонятный страхъ, какое-то странное безпокойство невольно овладѣло нами.

Кто могъ повѣрить въ возможность десанта на берега Крыма въ Сентябрѣ мѣсяцѣ. Безумное это предпріятіе справедливо должно было казаться Русскимъ невѣроятнымъ.

Въ ту же ночь Сентъ-Арно заболѣлъ такъ сильно, что долженъ былъ предоставить всѣ распоряженія своему начальнику штаба, генералу Мартемпрею.

Четыре дня еще, съ 15-го по 19-е, посвяще-

ны были выгрузкѣ осадной артиллеріи и другихъ тяжестей и распоряженіямъ къ предстоявшему маршу къ р. Альмѣ, за которою сосредоточилась тридцатитысячная Русская армія.

Много вытерпѣли мы въ эти 4 дня. Въ особенности ощутителенъ былъ недостатокъ въ водѣ и топливѣ.

19-го Сентября союзныя войска направились къ Альмѣ, а 20-го утромъ завидѣли Русскую армію, расположенную на сильной позиціи вдоль лѣваго берега рѣки, и состоявшую изъ 35 т. чел., въ томъ числѣ до 3 т. кавалеріи при 64 орудіяхъ.

Погода стояла прекрасная; ни одного облачка не было видно на горизонтѣ.

XIII.

Утромъ 20-го Сентября болѣзненное состояніе Сентъ-Арно усилилось до того, что онъ съ большимъ трудомъ всталъ съ своей походной постели и не могъ уже принимать никакого участія въ распоряженіяхъ. Диспозиція атаки составлена была лордомъ Рагланомъ и генераломъ

Мартемпреемъ, въ присутствіи главнокомандующаго, который могъ только знаками выражать свое согласіе.

Сраженіе началось въ 6 часовъ утра, атакою высотъ лѣваго фланга Русской позиціи, дивизіею Генерала Боске, при содѣйствіи огня морской артиллеріи. Вскорѣ на этомъ пунктѣ введена была въ дѣло дивизія Канробера и войска эти потѣснили лѣвое крыло Русскихъ.—Въ то же самое время дивизія Принца Наполеона, подкрѣпленная бригадою находившейся въ резервѣ дивизіи Форе, послѣ жаркой перестрѣлки, заняла селеніе Альма-Тамакъ.

Англичане, долженствовавшіе дѣйствовать на нашемъ лѣвомъ флангѣ, еще теряли время въ безконечныхъ приготовленіяхъ къ бою. Только въ 10 часовъ они подошли къ позиціи, подвигаясь съ обычною своею флегмою.

Русская кавалерія встрѣтила ихъ стремительною атакою. Затѣмъ, по приближеніи къ позиціи, Англійскія войска попали подъ перекрестный огонь Русской артиллеріи и, не выдержавъ его, опрокинуты были за рѣку.

Положеніе ихъ, а слѣдовательно и наше, становилось критическимъ.

Но въ это самое время атака дивизіи Принца Наполеона противъ фронта, и дивизій Боске и Канробера противъ лѣваго фланга Русскихъ, рѣшили участь боя въ нашу пользу.

Зуавы пошли въ штыки, а Англійскія дивизіи Леси-Эвенсъ и Броуна, оправившись, перешли въ наступленіе, вторично перебрались чрезъ Альму и бросились на высоты ея лѣваго берега.

Тогда Русскія войска начали отступать подъ огнемъ дивизіи Каткарта, преслѣдуемые кавалеріею генералъ-маіора графа Лукана.

Поле сраженія осталось за нами, но Русскіе отступали медленно, шагъ за шагомъ, не оставивъ въ нашихъ рукахъ ни одного орудія. Кавалерія прикрывала это отступленіе.

Къ 6-ти часамъ вечера Русскіе скрылись за горизонтомъ. Этимъ скорымъ успѣхомъ мы были обязаны несомнѣнно превосходству нашего оружія.

Надлежало этимъ воспользоваться: преслѣдо-

вать Русскихъ до самыхъ стѣнъ Севастополя и по слѣдамъ ихъ ворваться въ городъ.

Тогда только наше дерзкое предпріятіе могло увѣнчаться успѣхомъ. Тогда бы не дали мы времени Русскимъ усилиться подкрѣпленіями изъ Перекопа и Ѳеодосіи, что поставляло насъ въ необходимость вторично вступать съ ними въ бой, но на этотъ разъ съ превосходствомъ силъ уже на ихъ сторонѣ.

Сентъ-Арно, вѣроятно, такъ бы и дѣйствовалъ, но болѣзнь его усилилась до того, что онъ даже не могъ подать своего мнѣнія.

Англійскія войска понесли столь чувствительный уронъ въ сраженіи при Альмѣ, что лордъ Рагланъ сомнѣвался въ успѣхѣ атаки Севастополя открытою силою, а начальникъ главнаго штаба Мартемпрей, не будучи въ состояніи выразить собственнаго мнѣнія, молча обводилъ глазами присутствовавшихъ при совѣтѣ.

Однако же, въ слѣдствіе настоятельныхъ представленій генераловъ: Боске, Лэси-Эвенса, Каткарта и Принца Наполеона, рѣшено было, давъ войскамъ дневку, продвинуться до Бельбека.

22-го, мы пошли далѣе къ югу и къ вечеру стали на р. Бельбекѣ.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Турецкая дивизія вовсе не принимала участія въ сраженіи при Альмѣ, оставаясь въ виноградникахъ, которыми усѣяна долина рѣки. Такимъ образомъ, мы лишились содѣйствія 8 т. челов., по разсѣянности начальника нашего главнаго штаба, который совсѣмъ забылъ о Туркахъ, простоявшихъ все время, согласно диспозиціи, въ резервѣ за дивизіями Боске и Канробера.

XIV.

И такъ, къ вечеру мы стояли на Бельбекѣ. На лѣвомъ берегу рѣки возвышались Русскія укрѣпленія.

Лордъ Рагланъ и начальникъ Французскаго главнаго штаба не рѣшались атаковать ихъ. На военномъ совѣтѣ, собранномъ въ 10 часовъ вечера, въ главной квартирѣ лорда Раглана рѣшено было, вмѣсто того, чтобы форсировать Бельбекскую позицію и атаковать сѣверныя укрѣпленія Севастополя, направиться черезъ Чер-

ную рѣчку и занять позицію съ южной стороны города на возвышенной равнинѣ Херсонеса, берега котораго изрѣзаны множествомъ заливовъ, удобныхъ для стоянки кораблей.

Отсюда, послѣ усиленнаго бомбардированія, при содѣйствіи флота, армія могла попытаться произвести штурмъ. — Если же атака открытою силою будетъ признана невозможною, то приступить къ правильной осадѣ, что представляло ту выгоду, что войска, расположенныя тыломъ къ морю, находились въ постоянномъ сообщеніи съ флотомъ, чѣмъ облегчалось снабженіе ихъ продовольственными и военными припасами.

Главная ошибка предпріятія раньше или позже должна была повредить всему его развитію. Соображенія, составленныя въ Парижѣ, были трудно исполнимы, поэтому основанныя на нихъ дѣйствія не могли увѣнчаться благопріятными результатами.

Съ 24-го Сентября, выраженіе Гамелена, назвавшаго насъ искателями приключеній, сдѣлалось фактомъ. Мы безотчетно шли далѣе и далѣе по ложному пути, нами избранному.

Плоды нашей побѣды при Альмѣ были уже потеряны.

25 и 26-го, совершили мы наше знаменитое фланговое движеніе, предначертанное наканунѣ въ палаткѣ лорда Раглана.

Неизвѣстность страны, встрѣченные нами на пути глубокіе овраги, поросшіе непроходимымъ лѣсомъ, недостатокъ воды и проводниковъ до крайности затрудняли движеніе.

Сентъ - Арно почти въ предсмертной агоніи старался казаться бодрымъ. Мысль о скоромъ приступѣ занимала его поминутно; онъ полагалъ, что, послѣ краткаго усиленнаго бомбардированія, легко будетъ овладѣть городомъ. «Императоръ будетъ доволенъ вами» говорилъ онъ съ улыбкою слабымъ голосомъ. «Мы исполнили его приказаніе. Конечно, ему принадлежитъ вся честь этой экспедиціи. . . . Черезъ 10 дней ключи Севастополя будутъ въ его рукахъ. . . . Теперь Имперія утверждена. . . . и здѣсь ея крестины» . . .

Выходя по временамъ изъ своего предсмертнаго забытья, онъ повторялъ эти слова, услаждая ими свою агонію. Не разъ онъ вспоминалъ

про 2-е Декабря, но слова его были безсвязны, а мысли тяжелы и непонятны.

26-го мы прибыли на Черную рѣчку.

Маршалъ приказалъ позвать къ себѣ всѣхъ дивизіонныхъ и бригадныхъ генераловъ и пытался сказать имъ послѣднее слово, но по слабости не могъ. Сдѣлавши послѣднее усиліе, онъ сказалъ окружавшимъ:

«Я не думаю ошибиться въ намѣреніяхъ Императора, передавая главное начальство надъ арміею Генералу Канроберу, въ ожиданіи утвержденія Его Величества».

Тутъ, по знаку маршала Мартемпрей подалъ генералу Канроберу бумагу, заключавшую въ себѣ его временное назначеніе.

Но Канроберъ, не принимая ея, вынулъ изъ кармана пакетъ съ Императорскою печатью, по виду котораго можно было заключить, что генералъ носилъ его довольно долгое время въ карманѣ.

Сентъ-Арно не выразилъ при этомъ ни малѣйшаго изумленія. Голова его упала на подушку и онъ проговорилъ только ослабѣвающимъ голосомъ: «хорошо».

Какія особенныя права имѣлъ генералъ Канроберъ на командованіе арміею, увлеченною въ такое трудное предпріятіе? . . . не знаю.

Если исторія будетъ строга къ памяти маршала Сентъ-Арно, за необдуманное слѣпое исполненіе данныхъ ему предначертаній, который водилъ насъ изъ Варны въ Евпаторію, изъ Евпаторіи на скалы Херсонскія, то гораздо строже осудитъ она мѣру, которая усугубила первоначальную ошибку и поставила насъ въ положеніе, изъ котораго нѣтъ другаго исхода, какъ безчестное отступленіе, сознаніе своего безсилія, или гибель.

XV.

Съ вечера 26-го и въ теченіе 27-го Сентября, мы занимали позицію на южной сторонѣ Севастополя,—отъ Балаклавы до мыса Херсонеса.

Такимъ образомъ, главная ошибка похода была довершена. Всѣ, которые доселѣ съ нами не соглашались, въ настоящее время приняли наше мнѣніе. Когда мы осмотрѣлись на новой пози-

ціи, то ясно увидѣли, что сообщенія города съ сѣверной стороны, по дорогамъ изъ Евпаторіи и Симферополя, были совершенно свободны и что мы могли обложить крѣпость только съ южной стороны.

Мы полагали сначала, что князь Меншиковъ отступилъ на Бельбекскія высоты; такъ по крайней мѣрѣ убѣждены были лордъ Рагланъ и генералъ Канроберъ. На самомъ же дѣлѣ за Бельбекомъ оставлена была всего одна бригада, да нѣсколько морскихъ ротъ, занимавшихъ сѣверное укрѣпленіе и фортъ Константинъ.

Князь Меншиковъ, съ свойственными ему умомъ и проницательностью, предъугадалъ наше движеніе къ рѣкѣ Черной. Онъ отступилъ со всею своею арміею по Бакчисарайской дорогѣ. Во время нашего фланговаго движенія Англійская кавалерія успѣла застигнуть на дорогѣ только арріергардъ Русской арміи.

Ясно было, что Русскій главнокомандующій, вмѣсто того, чтобы запереться въ крѣпости, предпочелъ дѣйствовать въ полѣ, имѣя возможность сохранить свои сообщенія, какъ съ Сева-

стопольскимъ гарнизономъ, такъ и съ внутренними областями Россіи.

Въ слѣдствіе этого превосходнаго стратегическаго соображенія, Севастополь сдѣлался неодолимымъ.

Каждый день могли къ нему прибывать на помощь новыя войска, освѣжать гарнизонъ крѣпости и усиливать дѣйствующій корпусъ.

Непростительная ошибка нашихъ главнокомандующихъ сдѣлалась еще болѣе очевидною, когда мы узнали, что Русскіе затопили семь кораблей при входѣ въ Севастопольскій рейдъ. Атака со стороны моря сдѣлалась безполезною, а оборона Севастополя усилилась пятью стами орудій, снятыми съ затопленныхъ кораблей.

Вскорѣ лазутчики донесли намъ, что значительныя подкрѣпленія начинали уже прибывать къ Русской арміи.

Но большая часть войскъ, спѣшившихъ на усиленіе князя Меншикова, была еще на маршѣ къ Симферополю.

Между тѣмъ Русскія войска снова заняли высоты, простирающіяся къ сѣверу отъ Сева-

стополя и весь правый берегъ Черной рѣчки. Въ то же время князь Меншиковъ, по сношенію съ генераломъ Анненковымъ и княземъ Горчаковымъ, сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія къ обезпеченію отъ нашихъ покушеній Херсона, Николаева и главнаго пути сообщенія изъ Симферополя на Перекопъ.

Такимъ образомъ, потеряны были нами всѣ выгоды, пріобрѣтенныя въ началѣ кампаніи счастливымъ выборомъ пункта высадки съ сѣверной стороны Севастополя.

Русскія войска блокировали насъ со всѣхъ сторонъ. Съ фронта угрожала намъ крѣпость, на правомъ флангѣ стѣсняла Черная, за которою бивакировала Русская армія.

Наконецъ войска, спѣшившія форсированными маршами изъ Перекопа, подъ начальствомъ генерала Липранди, могли атаковать правый нашъ флангъ, что дѣйствительно и случилось впослѣдствіи.

XVI.

Съ 1-го Октября начались приготовленія къ

бомбардированію. Канроберъ раздѣлилъ армію на двѣ части: одна, въ составѣ 3-й и 4-й дивизій (Форе и Принца Наполеона), подъ начальствомъ генерала Форе приступила къ осадѣ, остальныя двѣ дивизіи (1-я Канробера и 2-я Боске) образовали обсерваціонный корпусъ, начальство надъ которымъ ввѣрено было генералу Боске. Англійская армія также раздѣлилась на двѣ части.

Такимъ образомъ, мы повидимому обезпечили наше правое крыло; но къ сожалѣнію на большей части его протяженія расположены были войска лорда Раглана, который не умѣлъ принять должныхъ мѣръ предосторожности, необходимыхъ въ этомъ случаѣ. Онъ не прикрылъ своей позиціи ни однимъ укрѣпленіемъ и все вниманіе свое устремилъ на заложеніе первой параллели и приготовленія къ бомбардированію.

Съ 4-го по 8-е Октября союзники усилены были 10 т. челов., именно 5-ю дивизіею генерала Левальяна и 2-мя баталіонами 6-й дивизіи генерала Пате.

Состояніе здоровья въ арміи было пока еще

довольно благопріятно, хотя холера начинала уже появляться, въ особенности у Англичанъ, которые вообще труднѣе переносили лишенія военнаго времени.

Приготовленія къ бомбардированію продолжались до 16-го Октября. — 17-го, въ 6 часовъ утра страшная канонада съ суши и моря разразилась надъ Севастополемъ.

Результаты ея всѣмъ извѣстны: союзныя эскадры дѣйствовали храбро и отчасти удачно противъ приморскихъ укрѣпленій Севастополя, артиллерія которыхъ въ свою очередь нанесла такой вредъ нашимъ кораблямъ, что къ вечеру они принуждены были выйти изъ-подъ выстрѣловъ, съ значительными поврежденіями и большею потерею въ людяхъ.

Что же касается до дѣйствія нашихъ батарей съ сухаго пути, то, будучи расположены въ разстояніи 500 саж. отъ Русскихъ передовыхъ укрѣпленій, они нанесли городу еще менѣе вреда, чѣмъ эскадры.

Русская артиллерія отвѣчала на наши выстрѣ-

лы съ единствомъ, дѣятельностью и вѣрностью, достойными удивленія.

Бомбардированіе продолжалось почти безпрерывно до 24-го, когда союзные генералы, видя ничтожность вреда, наносимаго нашею артиллеріею непріятелю, рѣшили на военномъ совѣтѣ ослабить огонь и продолжать правильную осаду до 3-й параллели.

Между тѣмъ наступили холода; солдаты, не имѣвшіе теплой одежды, просились идти на штурмъ.

Нѣкоторые офицеры и даже генералы раздѣляли ихъ желаніе, но лордъ Рагланъ отвѣчалъ на всѣ подобныя настоянія изящными рѣчами, которыя конечно были бы болѣе кстати въ парламентѣ.

XVII.

Около этого времени до Наполеона III дошли изъ вѣрнаго источника вѣсти о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Севастопольскомъ лагерѣ. Онъ уже зналъ, что бомбардированіе не принесло другаго результата, кромѣ чрезмѣрной растраты

снарядовъ и пороху и показало Русскимъ всю силу ихъ укрѣпленій и всю ничтожность нашихъ усилій.

Конечно, они понесли чувствительный уронъ, одинъ изъ ихъ адмираловъ (Корниловъ) палъ на бастіонѣ; съ 17-го по 24-е гарнизонъ потерялъ до 1,800 челов., въ особенности потерпѣли артиллеристы.

Но дѣла наши не подвинулись ни на одинъ шагъ, и то, что мы сего-дня разрушали, какъ бы волшебствомъ возникало на другой день.

Могли ли мы овладѣть Севастополемъ съ сѣверной стороны послѣ Альмскаго сраженія? . . . можетъ быть; во всякомъ случаѣ слѣдовало попробовать. Но когда мы перешли на южную сторону, могли ли мы, пробивъ предварительно брешь, штурмовать крѣпость? Это болѣе чѣмъ сомнительно. Положеніе дѣлъ уже сильно измѣнилось тогда въ пользу Русскихъ и, даже ворвавшись въ городъ, мы не могли быть увѣрены, что намъ удастся завладѣть имъ.

Таково по крайней мѣрѣ было мнѣніе генерала Бизо и многихъ артиллерійскихъ и инже-

нерныхъ штабъ-офицеровъ, которые не стѣсняясь высказывали его всякому.

Изъ нашего лагеря хорошо были видны всѣ укрѣпленія, находящіяся по другую сторону рейда, съ которыхъ слѣдовало бы начать осаду. Со взятіемъ ихъ городъ и флотъ должны были бы сдаться.

Главное изъ этихъ укрѣпленій—Сѣверное—расположено на безплодной, каменистой возвышенности, которая господствуетъ надъ всѣмъ городомъ и рейдомъ. Свѣдѣнія, которыя генералъ Бизо и Принцъ Наполеонъ старались получить о Сѣверномъ Укрѣпленіи, удостовѣряли, что оно вооружено 300 орудій огромнаго калибра и защищается гарнизономъ изъ 3 т. челов. Пока этотъ пунктъ не въ нашихъ рукахъ, осада Севастополя безполезна. Даже, если бы намъ удалось овладѣть городомъ, мы не будемъ въ состояніи удержаться въ немъ, пока непріятель будетъ занимать Сѣверное Укрѣпленіе.

Странное дѣло! казалось, наши главнокомандующіе не подозрѣвали существованія этой препоны и вовсе не обращали на нее вниманія. Дол-

жно полагать, что они получили отъ своихъ правительствъ приказаніе умалчивать о препятствіяхъ къ овладѣнію Севастополемъ, потому что ни въ журналахъ осады, ни въ донесеніяхъ, ни даже въ разговорахъ не замѣтно и намека на предметъ, который озабочивалъ всѣхъ. Вѣроятно, они считали себя обязанными сулить золотыя горы своимъ правительствамъ, которыя съ своей стороны тѣмъ же угощали публику, для прикрытія неисправимой ошибки экспедиціи.

Императоръ, извѣщенный обо всемъ до мельчайшихъ подробностей, не могъ не знать настоящаго положенія дѣлъ. Но онъ не обращалъ на это вниманія. Сохраняя пагубную увѣренность, онъ смѣялся надъ всѣми предостереженіями, и однажды публично назвалъ ихъ *робкими совѣтами*, почти прямо указывая на вице-адмирала Гамелена и Принца Наполеона, и косвенно—на маршала Вальяна, который неоднократно выражалъ свои сомнѣнія въ успѣхѣ предпріятія, какъ передъ Императоромъ, такъ и передъ Принцемъ Іеронимомъ.

XVIII.

Императоръ особенно уважалъ генерала Канробера и считалъ его способнымъ на великія дѣла. Многія качества этого генерала оправдываютъ подобное мнѣніе: его удивительное мужество, спокойствіе на полѣ битвы, быстрый и вѣрный взглядъ и, въ критическую минуту, необыкновенная пылкость при нанесеніи рѣшительнаго удара—по-истиннѣ замѣчательны. Онъ былъ любимъ войсками и возбуждалъ удивленіе, но только *въ своей дивизіи;* ибо, нечего скрывать, этотъ блистательный генералъ не созданъ для главнаго предводительства и неспособенъ командовать арміею. Его умъ привыкъ дѣйствовать въ тѣсной рамкѣ и не въ силахъ обнимать разомъ общаго: во время битвы онъ займется только однимъ пунктомъ и пренебрежетъ другими, привяжется со всѣмъ жаромъ къ одной части и не будетъ знать, что происходитъ съ другими.

У него вовсе нѣтъ административныхъ способностей и въ этомъ отношеніи онъ еще ниже маршала Сентъ-Арно — этого образца безпоря-

дочности, выказанной имъ не только во время командованія восточною арміею, но и въ Парижѣ, въ должности Военнаго Министра; маршалу Вальяну (*) хорошо должно быть это извѣстно. Любимое выраженіе Канробера—*что нельзя браться за все вдругъ*, какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ о его неспособности. Во время войны надобно умѣть дѣлать все вдругъ, что̀ не подъ силы тѣсному и лѣнивому уму этого генерала.

Боске пользуется общимъ уваженіемъ; онъ отличается такою же блистательною храбростію, какъ и его сподвижникъ, но его взглядъ обширнѣе; онъ способнѣе къ дѣлу и владѣетъ мастерскимъ соображеніемъ; никто лучше его не умѣетъ найтись въ трудныхъ обстоятельствахъ, и ему одному принадлежитъ честь Альмской битвы: онъ во́-время атаковалъ лѣвый флангъ Русскихъ—и тѣмъ спасъ союзниковъ; опоздай онъ четвертью часа—и Англичане были бы вторично опрокинуты за рѣчку, а Русская кава-

(*) Нынѣшній Военный Министръ.

лерія, въ числѣ 3 т. чел., непремѣнно атаковала бы насъ съ фланга и тыла и мы были бы приперты къ морю. Онъ же спасъ въ другой разъ Англійскую армію при Инкерманѣ.

Но Боске, какъ человѣкъ благоразумный, понимающій свою будущность, избѣгаетъ выказываться. Онъ умѣетъ, спрашивая чужое мнѣніе, внушить свое собственное и, не принимая ничего на свою отвѣтственность, дѣйствовать всегда по своему усмотрѣнію; онъ владѣетъ чрезвычайно тонкимъ тактомъ.

При всемъ этомъ онъ хорошо образованъ, много читалъ и основательно знаетъ военное искусство, не только въ теоріи, но и на практикѣ. Онъ расположенъ къ Канроберу; но въ кругу приближенныхъ относится объ немъ съ состраданіемъ. Сколько разъ мы видали, какъ онъ горько улыбался при видѣ ошибокъ Канробера, но ни разу не сказалъ ни слова, не сдѣлалъ ни одного замѣчанія.—Императоръ уважаетъ Боске, но не любитъ его.

Генералъ Форе—просто солдатъ, неумѣющій даже порядочно исполнять даннаго ему при-

казанія. При Альмѣ, напримѣръ, находясь съ своей дивизіею въ резервѣ, онъ отказывался ввести въ дѣло одну изъ своихъ бригадъ въ ту минуту, когда нерѣшительность эта могла быть пагубна, и начальнику главнаго штаба стоило большаго труда уговорить его подкрѣпить этою бригадою 3-ю дивизію, когда та атаковала селеніе Альма-Тамакъ, упорно защищаемое Русскими стрѣлками.

Форе въ тѣсной дружбѣ съ Канроберомъ и они имѣютъ другъ къ другу полную довѣренность.

Мы не будемъ говорить объ Англійскихъ генералахъ и ограничимся сожалѣніемъ, что такіе храбрые и отличные офицеры, какъ Броунъ, Каткартъ, Лэси-Эвенсъ и наконецъ Герцогъ Кембриджскій не находятся подъ начальствомъ полководца болѣе способнаго, болѣе дѣятельнаго и менѣе удрученнаго лѣтами.

XIX.

25-го утромъ, когда наши батареи почти прекратили огонь, мы вдругъ услышали кано-

наду съ восточной стороны; никто не ожидалъ подобной тревоги. Въ одно мгновеніе всѣ были на ногахъ. Немедленно приняты были всѣ нужныя мѣры предосторожности и обсерваціонный корпусъ генерала Боске сталъ въ ружье. Французскій штабъ отправился на рекогносцировку и на дорогѣ съѣхался съ Англійскимъ, который также спѣшилъ узнать происходившее за Балаклавой, на склонѣ высокихъ холмовъ, ограничивающихъ съ этой стороны нашу позицію.

Приблизившись къ этимъ холмамъ, мы узнали, что Русскіе, скрытно подошедшіе къ построеннымъ здѣсь лордомъ Рагланомъ редутамъ, стремительно атаковали ихъ.

По прибытіи нашемъ дѣло уже почти окончилось. Русскіе войска, въ числѣ 22 т. чел., подъ начальствомъ генерала Липранди, овладѣли послѣдовательно всѣми четырьмя Англійскими редутами и расположились на дорогѣ изъ Балаклавы къ лагерю.

Атака Липранди удалась какъ нельзя лучше, и еслибы отрядъ его былъ посильнѣе, онъ могъ бы поставить нашу армію въ самое кри-

тическое положеніе; къ счастію, силы его были незначительны и онъ ограничился тѣмъ, что блокировалъ насъ съ этой стороны, между тѣмъ какъ съ другой намъ угрожали Севастопольскій гарнизонъ и Русскія войска, расположенныя по Черной рѣчкѣ.

Дабы изгладить непріятное впечатлѣніе, произведенное этимъ дѣломъ, генералы Канроберъ и Рагланъ послали въ атаку противъ Русскихъ войскъ Венсенскихъ и Шотландскихъ стрѣлковъ, которые тотчасъ же заняли два редута, оставленные Русскими, — и мы уже радовались успѣху ихъ съ высотъ деревни Кадыкой, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство привело насъ въ смущеніе: Русскіе отступая увезли съ собою орудія съ обоихъ оставленныхъ редутовъ; генералъ-маіоръ графъ Луканъ поспѣшилъ извѣстить объ этомъ Англійскаго главнокомандующаго. Лордъ Рагланъ, не осмотрѣвши порядочно мѣстности, послалъ приказаніе графу Лукану преслѣдовать Русскихъ легкою кавалеріею и, если возможно, отбить у нихъ Англійскія пушки.

Графъ Луканъ заставилъ офицера, передав-

шаго ему приказаніе лорда Раглана, повторить слово-въ-слово все это приказаніе и, вторично выслушавъ его, поѣхалъ къ лорду Кардигану, который находился съ своею бригадою на равнинѣ, растилающейся впереди Чоргуна. Чрезъ нѣсколько минутъ съ изумленіемъ и ужасомъ увидѣли мы, что Англійская кавалерійская бригада стремительно бросилась на Русскихъ и опрокинула часть ихъ боевыхъ линій; но потомъ, попавъ подъ перекрестный ружейный и картечный огонь, легла почти вся на-мѣстѣ, окруженная Русскими войсками.

Боске обратился къ главнокомандующему съ мольбою о дозволеніи выручить храбрую Англійскую кавалерію: генералъ Канроберъ отвѣчалъ, что это уже безполезно и слишкомъ поздно. Лордъ Рагланъ оставался безмолвнымъ и съ необыкновеннымъ равнодушіемъ смотрѣлъ на истребленіе своей кавалеріи, которое было прямымъ и непосредственнымъ послѣдствіемъ несчастнаго его приказанія. Какое-то лихорадочное волненіе пробѣжало по рядамъ нашихъ баталіоновъ, бывшихъ свидѣтелями этой печальной

сцены. Мы думали, что они бросятся впередъ, не дожидаясь приказа. Но неподвижность генераловъ скоро убѣдила ихъ, что надобно было сложивши руки смотрѣть на гибель нашихъ союзниковъ. Отъ всей бригады воротилось назадъ 70 или 80 человѣкъ и нѣсколько лошадей, прибѣжавшихъ вслѣдъ за ними. По нашему мнѣнію, успѣхъ атаки, имѣвшей цѣлью поддержать Англійскую кавалерію, или по крайней мѣрѣ отмстить за ея истребленіе, не подлежитъ сомнѣнію.

Русскіе не выдержали бы напора нашихъ войскъ, ожесточенныхъ этимъ зрѣлищемъ; но генералы продержали ихъ на высотахъ въ бездѣйствіи, до окончанія пораженія союзниковъ. По нашему мнѣнію, мы тогда же непремѣнно оттѣснили бы генерала Липранди за Черную рѣчку и не были бы въ послѣдствіи постоянно угрожаемы его дивизіею, удержавшею оба наши редута и долго неперестававшую насъ тревожить.

Но въ этомъ дѣлѣ мы обнаружили вначалѣ отсутствіе всякой предусмотрительности и довер-

шили его постыднымъ бездѣйствіемъ. Мы не умѣли предостеречься отъ нападенія Липранди построеніемъ надежныхъ укрѣпленій, а въ минуту опасности не обнаружили той рѣшимости, которая такъ часто бываетъ необходима въ военномъ дѣлѣ.

XX.

Съ 26-го Октября наша артиллерія начала дѣйствовать слабѣе, потому что мы увидѣли всю ничтожность вреда, наносимаго крѣпости, и весьма замѣтное нетерпѣніе начало распространяться въ рядахъ союзной арміи. Потери наши съ начала экспедиціи были весьма значительны, а болѣзни увеличивались ежедневно. «Пора бы кончить!» твердили всѣ во Французскихъ войскахъ. Дальнѣйшее промедленіе могло погубить армію, которая теперь сама больше походила на осажденную, нежели на осаждающую. Притомъ же мы знали, что къ непріятелю ежедневно подходили новыя подкрѣпленія и предвидѣли уже ту минуту, когда со всѣхъ сторонъ будемъ окружены силами несоразмѣрно превосходившими наши.

Сперва думали сдѣлать приступъ 2-го Ноября, но по разнымъ причинамъ, которыя нейдутъ къ цѣли нашего разсказа, приступъ былъ отложенъ до 5-го Ноября, какъ бы ни были незначительны бреши, которыя мы успѣемъ пробить въ крѣпости до того времени. Огонь продолжался съ той и другой стороны съ различнымъ успѣхомъ. Русскіе дѣлали частыя вылазки, которыя обыкновенно были отражаемы нами.

Изъ траншей мы могли ясно видѣть дѣйствія нашихъ бомбъ въ самомъ городѣ. Пожары были не рѣдки и по ночамъ отраженіе пламени на темномъ и облачномъ небѣ представляло страшное зрѣлище.

Не упоминая о многихъ обстоятельствахъ, которыя не считаемъ за нужное здѣсь приводить, мы перейдемъ къ послѣднимъ событіямъ.

XXI.

Поутру 5-го Ноября мы были пробуждены страшною канонадою, раздавшеюся со стороны Инкермана. Весь нашъ лагерь былъ на-ногахъ;

генералъ Канроберъ послалъ ординарца къ Раглану узнать въ чемъ дѣло.

Русскіе снова атаковали насъ, но на этотъ разъ уже не въ такихъ малыхъ силахъ, какъ Липранди 25-го Октября. Пользуясь густымъ утреннимъ туманомъ, непріятель дебушировалъ съ Инкерманскаго моста и атаковалъ Англійскій лагерь, слабо прикрытый и дурно охраняемый. Въ семь часовъ утра началось сраженіе. Дивизія Лэси-Эвенса выдержала напоръ 25,000 Русскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Соймонова. На флангѣ Англійской дивизіи выстраивалась колонна такой же силы генерала Данненберга. Англичане подались назадъ, но прибытіе подкрѣпленій позволило имъ перейти къ наступленію, съ цѣлью овладѣть потерянною позиціею. Тогда загорѣлся кровопролитный бой, небывалый со временъ Наполеоновскихъ войнъ. Остервенѣніе съ обѣихъ сторонъ было ужасное. Сраженіе вскорѣ обратилось въ рукопашную схватку, въ которой солдаты дрались штыками и прикладами, и переломавъ то и другое,— кулаками и даже каменьями.

Непроницаемый туманъ, покрывавшій все поле битвы, содѣлывалъ ее еще болѣе ужасною. Въ девять часовъ ряды Англичанъ начали рѣдѣть, поле сраженія нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки; Англійскія войска истощили уже послѣднія усилія, когда на помощь къ нимъ прибылъ генералъ Боске съ головнымъ баталіономъ своей дивизіи. Онъ горѣлъ желаніемъ отмстить Русскимъ за пораженіе 25-го Октября, и ему принадлежитъ честь спасенія Англійской арміи, поставленной на край гибели близорукою безпечностью лорда Раглана.

Боске понималъ всю трудность дѣла, ему предстоявшаго. Въ то время когда онъ бросился на помощь Англичанамъ, пушечные выстрѣлы раздались со стороны Карантина, на нашемъ лѣвомъ флангѣ и въ тылу у насъ, со стороны Балаклавы, гдѣ наступалъ Липранди, ожидавшій только бѣгства союзной арміи, чтобы довершить ея гибель.

Если Боске пришелъ бы полчасомъ позже, то Англичане были бы совершенно разбиты; ужасный безпорядокъ началъ уже распростра-

няться въ рядахъ союзныхъ войскъ и Русскіе, окружая насъ со всѣхъ сторонъ, могли сбросить въ море всю нашу армію. Къ счастію ошибки союзныхъ генераловъ исправлены были несокрушимою храбростью солдатъ. Мужество ихъ спасло насъ отъ гибили, которою должно было кончиться это сраженіе.

Боске неожиданно атаковалъ дивизію Соймонова съ фланга и началъ тѣснить ее.

Въ десять съ половиною часовъ утра, Русскіе принуждены были къ общему отступленію; но совершили его въ полномъ порядкѣ. Въ эту минуту прибыла на поле сраженія дивизія Принца Наполеона, отряженная наконецъ генераломъ Форе, который и тутъ едва рѣшился на это. Больной Принцъ шелъ въ-головѣ своихъ баталіоновъ. Много доблестей выказали въ этомъ сраженіи всѣ, отъ генерала до рядоваго. Англичане дрались какъ львы; пятеро изъ ихъ лучшихъ генераловъ легли на полѣ битвы. Канроберъ выказалъ много личной храбрости; но онъ не принималъ никакого участія въ общихъ распоряженіяхъ. Вся честь этого дня, по едино-

гласному приговору цѣлой арміи, принадлежитъ генералу Боске.

Форе, который находился съ своими 2-мя дивизіями на лѣвомъ флангѣ, не соглашался подкрѣпить Англичанъ, потому что Русскіе сдѣлали противъ него вылазку изъ Севастополя.—Когда вылазка эта была отбита, то онъ не умѣлъ удержать храбраго Лурмеля, который, увлекшись въ преслѣдованіе, попалъ подъ перекрестный картечный огонь крѣпостныхъ орудій съ разстоянія пистолетнаго выстрѣла. — Триста человѣкъ изъ бригады Лурмеля легло на мѣстѣ, и самъ онъ долженъ былъ заплатить жизнью за свою опрометчивость. Но вся вина этой потери падаетъ на генерала, который допустилъ подобное увлеченіе.

Инкерманское сраженіе служитъ самымъ лучшимъ доказательствомъ всего безразсудства нашей экспедиціи. Къ счастію нашему, неблагоразумныя распоряженія главнокомандующихъ выкупились неодолимою храбростью солдатъ.

Послѣ этого ужаснаго урока наши генералы поняли наконецъ необходимость укрѣпленія

лагеря и усиленія обсерваціоннаго корпуса. Самъ Канроберъ, повторяя все то же любимое свое изрѣченіе: нельзя всего дѣлать вдругъ, убѣдился въ важности этихъ мѣръ.

Съ 6-го Ноября мысль о необходимости приступа снова овладѣла всѣми умами.

Наконецъ Канроберъ предложилъ Раглану штурмовать крѣпость, но Англійскій главнокомандующій успѣлъ отклонить нашего генерала отъ этого намѣренія, говоря, что силы союзниковъ слишкомъ недостаточны послѣ потерь, понесенныхъ въ Инкерманскомъ сраженіи, въ особенности Англійскими войсками, въ которыхъ осталось въ строю не болѣе 14 т. челов.

Въ Инкерманскомъ сраженіи погибло много друзей лорда Раглана; Герцогъ Кембриджскій былъ въ какомъ то тревожномъ состояніи; все это чрезвычайно подѣйствовало на Англійскаго главнокомандующаго, и онъ считалъ необходимымъ или продолжать правильную осаду, въ ожиданіи подкрѣпленія, или же оставить берега Крыма. — Крайнюю мѣру эту, впрочемъ, можно было предвидѣть еще сначала кампаніи.

Генералъ Канроберъ съ негодованіемъ отвергалъ мысль безчестнаго отступленія и согласился приступить къ правильной осадѣ, которая тянется и понынѣ. Много должны были вытерпѣть наши бѣдныя войска въ эту зиму, при 8° холода, въ снѣгу, въ грязи, пожираемые холерою, тифусомъ и скорбутомъ.

Общая цифра потерь союзной арміи, съ начала экспедиціи по Январь 1855 года, простиралась до 45 т. убитыми и умершими, и сверхъ того до 30 т. выбывшими изъ строя, по причинѣ ранъ или болѣзни.

Императору Французовъ хорошо извѣстно все это. Онъ можетъ оцѣнить теперь военныя достоинства Сентъ-Арно и Канробера и силу Севастопольскихъ укрѣпленій, и что такое значитъ зимняя кампанія на Русской землѣ!

Англія также хорошо понимаетъ причины гибели ея прекрасной арміи и можетъ надосугѣ пріискивать средства къ подавленію могущества Россіи.

По нашему мнѣнію, союзныя державы продол-

жаютъ эту ужасную войну, единственно желая спасти честь своего оружія.

Но первая кампанія уже рѣшена; она была ужасна.

LIBRARY OF CONGRESS
0 029 977 739 A